

УДК 811.161.1'28 + 811.161.1'373.49

В. С. Кучко

«ЗРИТЕЛЬНАЯ» И «СЛУХОВАЯ» МЕТАФОРА ОБМАНА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается русская общенародная и диалектная лексика и фразеология со значением обмана, мотивированная признаками, относящимися к зрительному и слуховому восприятию (ср., например, литер. *ослеплять* 'обманывать', влг. *промыть глаза* 'то же', новг. *гудить* 'то же'). Определяются причины активности данных метафор в семантическом поле обмана, выделяются модели метафорического переноса из «перцептивной» сферы в «обманную», дается мотивационный комментарий к ряду языковых единиц с непрозрачной внутренней формой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская диалектная лексика и фразеология; зрительная и слуховая метафора; семантика обмана.

Обман принадлежит числу сложных явлений, находящихся на пересечении нескольких сфер человеческой жизнедеятельности — ментальной, поведенческой, этической и правовой. Идея обмана обладает высокой степенью абстрактности; вместе с тем, ввиду значительного места, которое занимает обман в повседневной жизни¹, а также экспрессивности его оценки, идея требует множественного языкового воплощения и активно разрабатывается как общенародным языком, так и другими формами существования языка, в том числе говорами. Заявленная «многосоставность» и абстрактность семантики побуждают язык для ее выражения обращаться к лексике с конкретным значением — языковые единицы из конкретно-семантических сфер приобретают переносные «обманные» значения. Иначе говоря, семантическое поле обмана формируется с помощью большого количества метафор.

¹ О значимости явления свидетельствует, к примеру, факт вхождения основных выразителей семантики обмана в общенародном языке (глаголов *обманывать*, *обмануть*, *лгать*, *врать*, существительных *обман*, *неправда*, *ложь*) в число слов русского языка с высокой частотой появления в текстах разной жанровой дифференциации (по данным [ЧСРЯ]); активная его обработка текстами фольклора (ср. хотя бы пословичный массив, относящийся к этой тематике, в собрании В. И. Даля [ПРН, т. 1, с. 172–176, 209–236; ПРН, т. 2, с. 173–180]) и художественной литературы.

Метафора, участвующая в воплощении «обманных» смыслов, должна отвечать сценарию обмана. Рассмотрим его в общих чертах. Действие обмана предполагает двух участников — того, кто его совершает, и того, на кого оно направлено. Первый из них является активным деятелем, последний же находится в положении пассивного субъекта, «адресата», ради которого и затевается обман. Отсюда следует своеобразный «запрос» семантического поля обмана на привлечение в свои границы лексики с первичным значением воздействия активного субъекта на пассивного, вынужденного испытывать на себе процесс воздействия или его результат (ср., например, глаголы со значением ‘обмануть’, реализующие метафоры, объединяемые идеей подвержения кого-л. физическому воздействию: влг., орл., твер. *окутать* [СРНГ, вып. 23, с. 178], вят., перм., свердл., сиб. *нагнуть* [СРНГ, вып. 19, с. 197], ленингр., пск., смол. *нагреть* [Там же, с. 214] и мн. др.).

Одним из способов отражения в языке представлений о воздействии обманщика на свою «жертву» служит использование языковых единиц, относящихся к сфере воздействия на зрительные и слуховые каналы человека, а также зрительного и слухового восприятия, в «обманных» значениях.

Почему из смысловых областей, относящихся к пяти основным видам перцепции — визуальной, аудиальной, осязательной, обонятельной и вкусовой — наиболее активными «донорами» языковых единиц для поля обмана выступают первые две? Ответ кроется, во-первых, в превалировании зрительного и слухового восприятия над другими способами чувственного восприятия современного человека, во-вторых, в их отличительных свойствах.

Ю. Д. Апресян приводит два языковых аргумента в пользу главенства зрения и слуха среди перцептивных способностей человека — то, что сферы зрительного и слухового восприятия обслуживает наибольшее по сравнению с другими сферами число лексем, и разнообразие метафор вроде *мягкие тона, колючий взгляд, теплый голос* и пр. при редких и менее вероятных обратных случаях типа *яркие (тусклые) / глухие запахи* (ср.: «Именно зрительное и, в меньшей степени, слуховое восприятие нуждается во все новых и новых выразительных средствах. Словарь именно этих систем обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и скорее всего изнашивается от постоянного употребления» [Апресян, с. 48]). Лексика этих смысловых областей, как следствие, проникает в другие семантические сферы, в том числе ментальную (ср. пример наиболее очевидный — употребление предикатов ситуации восприятия зрением и слухом в значении ‘понимать, сознавать’ в контекстах вроде «Видишь / слушай, это будет долго»).

Легкость, с которой «зрительная» и «слуховая» лексика включается в описание когнитивных и ментальных процессов, связана и с тем, что зрительный и слуховой каналы восприятия имеют наивысшую степень когнитивной ориентации: именно они преимущественно отвечают за процесс познания человеком окружающей действительности [см.: Рубинштейн, с. 200]. Восприятие действительности предполагает ее осознание, более того, осознание способно корректировать восприятие [Там же, с. 235]. Речь идет главным образом о зрении и слухе как ведущих познавательных каналах, а важность их становится особенно показательной в случае патологии [Там же]. Язык, в свою очередь, предоставляет сведения о том,

что сознание, верифицируя данные зрения и слуха, не всегда делает выводы, соответствующие действительности: ряд слов обозначает ложные впечатления от «видения» и «слышания» реального мира, ср. *ослышаться, послышаться, привидеться, мерещиться, ослышка, обман зрения, обман слуха* (при отсутствии цельнооформленных лексем, обозначающих ложные впечатления только обоняния / осязания / вкуса, и гораздо меньшей речевой закреплённости сочетаний **обман обоняния, *обман осязания, *обман вкуса*).

Резюмируя сказанное, отметим, что 1) зрение и слух преобладают над другими видами восприятия человека, а также отвечают за познание им действительности, причем в процессе зрительного и слухового восприятия могут возникать ошибки, неверное толкование сознанием услышанного и увиденного; 2) язык, будучи антропоцентричной системой, отражает и факт доминирования зрительно-слуховой перцепции, и связь ее с когнитивными процессами, и возможность ложной интерпретации зрительно-слуховых впечатлений; 3) избрание семантическим полем обмана лексики, относящейся к области восприятия зрением и слухом, представляется, таким образом, вполне закономерным.

Семантическим полем обмана используются разные составляющие ситуации зрительного и слухового восприятия, участниками которой являются объект восприятия, а также собственно воспринимающий (его органы зрения и слуха). Рассмотрим примеры из русской общенародной и диалектной лексики и фразеологии со значением обмана, мотивированные признаками, относящимися к зрительному и слуховому восприятию.

«Зрительная» метафора

Внутри «обманной» лексики и фразеологии, почерпнутой из сферы зрительного восприятия, выделяются две модели, по которым развивается метафорический перенос. Во-первых, это модель «негативно воздействовать на зрительную способность» = «обманывать». Такой угол зрения предполагает фокусирование основного нашего внимания на активном субъекте действия и воздействии, им оказываемом (пассивным в этом случае оказывается воспринимающий и его органы зрения). Однако предикатом ситуации зрительного восприятия в зависимости от контекста может быть не активное действие (т. е. воздействие на зрительный канал: ‘портить зрение’, ‘мешать видеть’), а состояние объекта зрительного восприятия (‘быть видимым’, ‘казаться’, ‘мельтешить’). В этом случае метафорический перенос осуществляется по модели «быть видимым (определенным образом), мерещиться» = «обманывать». Обратимся сначала к первой модели.

«Обманную» семантику развивает обозначающий основное действие по лишению кого-л. зрения глагол *(о)слепить*², ср. смол. *слепіть* ‘вводить в заблуждение’:

² Семантика, характерная для слова в общеславянском пространстве (ср., например, укр. *осліплювати* ‘уводити в оману, дурити’ [СУМ, т. 5, с. 771], польск. *osłepić* ‘ввести в заблуждение, обольстить’ [ЭССЯ, т. 29, с. 209], болг. *заслепявам* ‘изгубя способността си правилно преценяване на явленията’ [РБЕ, т. 5, с. 658]). Модель претендует на статус универсалии и существует в ряде индоевропейских языков (ср., например, англ. *to blind* ‘to deceive, «throw dust in the eyes»’ [OED, vol. II, p. 287], нем. *blenden* ‘соблазнять, обманывать’ [БНРС, т. 1, с. 71], фр. *aveugler* ‘se cacher la vérité’ [Reverso: aveugler], итал. *accecare* ‘ослеплять, вводить в заблуждение’ [ИРС, с. 20]).

«А не слепи ты меня» [СРНГ, вып. 38, с. 263], литер. *ослеплять* ‘вводить в заблуждение, обманывать’: «Вы истратили со мною много вашего красноречия <...> Но вы не ослепили меня. Я не дитя» <Достоевский> [ССРЛЯ, т. 8, с. 1117]. (Значение обмана специфицирует более широкое для (о)слепить переносное значение лишения способности здраво мыслить и оценивать действительность.)

Расширение образности при образовании фразеологизма может увеличивать экспрессивность, ср. смол. *чертей слепить* ‘нагло врать’: «А не слепи ты чертей!»: указание на нечистую силу как объект воздействия выражает интенсивность и одновременно беззастенчивость, с которыми совершается действие, ср. у этого оборота значения ‘делать что безрассудно или с хитрою целью’ или ‘пить запоем’ [СРНГ, вып. 38, с. 264].

Слепцу, как лишенному зрения и потому беспомощному и зависимому от другого, приписывается роль типичного объекта обмана: морд. *наводить слепого на бревна* ‘обманывать’ [БСРП, с. 59], карел. *слепою бабушку на бревно наводить* ‘обманывать, лгать’ [Там же, с. 24]³.

Указание на органы зрения активно включается в формирование «зрительной» метафоры, разрабатывая модель «негативно воздействовать на глаза» = «обманывать». Эта модель конкретизируется мотивами, перечисленными ниже.

Мотив затемнения глаз: собственно затемнения (влг., том. *глаза затемнять кому* ‘запутывать, обманывать кого-л.’ [СРНГ, вып. 6, с. 185], перм. *глаза (глазки) морочить* ‘обманывать’ [ФСПГ, с. 218]); окутывания туманом (сиб. *глаза затуманивать* ‘вводить в заблуждение’ [ФСРГС, с. 81]).

Мотив загрязнения глаз: собственно загрязнения (карел. *пачкать очи* ‘лгать, обманывать’ [БСРП, с. 463], перм. *глаза замазывать* ‘обманывать’ [ФСПГ, с. 129]); засорения мелкими частицами (перм. *бросать песком в глаза* ‘обманывать’ [БСРП, с. 494], *глаза запорошить кому* ‘ввести в заблуждение’ [Там же, с. 123]).

Семантически противопоставлены им редко встречающиеся образы осветления и очищения: влад. *глаза светлить* ‘обманывать, вводить в заблуждение’: «Он тебе глаза светлит» [СРНГ, вып. 36, с. 264]; влг. *промывать глаза* ‘обманывать’ [БСРП, с. 125].

Идея, стоящая за метафорами затемнения и загрязнения, синонимична идее ослепления, ср. семантический параллелизм *слепого* и *темного* (подробно об этом см. [Толстая, с. 167, 170]), а также связь, по реконструкции В. Н. Топорова, праслав. **slěp-* с индоевропейским корнем **leip-* ‘намазывать (жиром)’ и далее с **lēpiti*, **lipnōti* (слепым становится тот, у кого закрыты, залеплены и т. п. глаза) [Там же, с. 171].

За метафорой осветления может стоять представление о светлом и ясном как прозрачном (ср. *светлый* ‘ясный, прозрачный, сквозистый’ [Даль, т. 4, с. 160]), следовательно, пустом, лишенном необходимого качества (в данном

³ С. М. Толстая обращает внимание еще на одну линию семантического развития, а именно — на линию ‘слепой’ → ‘бесчувственный’, явленную в дериватах *слепого*, имеющих отрицательную семантику (не только в русском, но и в других славянских языках; примечательным здесь кажется с.-х. *sljēpac* ‘обманщик’ [Толстая, с. 139]: данный пример, очевидно, демонстрирует путь семантического развития ‘слепой’ → ‘лишенный всяких чувств, бесчувственный’ → ‘лишенный сострадания’ → ‘способный к обману’).

случае — для распознавания обмана); модель ‘прозрачный’ → ‘лишенный важных свойств’ → ‘глупый’ отразилась, к примеру, в свердл. *яснотá* ‘глупый поступок, глупые слова’ [СРГСУ, т. 7, с. 74]. Влг. *промыывать глаза*, реализующее метафору очищения, встает в ряд выражений, образованных по модели ‘мыть / чистить и под.’ → ‘приносить какой-л. ущерб объекту мытья’: ср. вят., курск. *мыть* ‘бить, хлестать’, ворон. *мыть головушку* ‘сильно бранить’, вят., перм., пск. *мыть зубы* ‘смеяться над кем-л.’ [СРНГ, вып. 19, с. 66], влад., калуж. *перемыывать* ‘недоброжелательно обсуждать кого-л.’ [СРНГ, вып. 26, с. 169], арх. *промыывать* ‘задурить голову’, свердл. *промыывать бока кому-л.* ‘сплетничать’ [СРНГ, вып. 32, с. 191], общенар. *полоскать мозги* ‘обманывать кого-л.’; ср. также прост. *чистить* ‘ругать, бранить’ [БТС, с. 1481]. Мотивационным признаком служит факт сильного, резкого воздействия на объект; толчком для активности данной модели могло послужить общенар. *перемыывать кости кому-л.* ‘недоброжелательно обсуждать кого-л.’, для которого не исключается версия о происхождении на основе преимущественно южнославянского обряда вторичного захоронения, во время которого из земли извлекались и перемывались кости умерших [см.: Виноградов, с. 456–464; СД, т. 4, с. 94].

В ряд выражений, рисующих ситуацию отрицательного воздействия на чью-л. способность ясно видеть, встает смол. *озёлки пускать в глаза* ‘морочить, обманывать’: «Он озёлки в глаза пускает, не верь этому проходимцу, он антихрист, озёлки пускает в глаза» [СРНГ, вып. 23, с. 89]. Слово *озёлки* входит в следующее гнездо лексем, фиксируемых на смоленской территории: *озелять / озелить* ‘околдовывать знахарским зельем’, ‘оглушать, одурманивать’, ‘обманывать’: «Цыгане, бывало, ходят по дворах — так озеляют, что сам все отдашь» [СРНГ, вып. 23, с. 89; ССГ, вып. 7, с. 163]; *озэлить* ‘обворожить, околдовать, дать зловредного зелья’ [Опыт, с. 139], *озеляться* ‘поддаваться обману, омрачаться, огорчаться»; *озёлок* ‘обман’: «Озелок вышел — купили сопатого коня» [СРНГ, вып. 23, с. 89]; *озёл, озеленье* ‘гипнотическое воздействие’: «Это какое-то озеленье — иначе не могу объяснить, чего я так сделал» [ССГ, вып. 7, с. 163]. Кажется убедительной связь перечисленных слов с *зельем*, ср. значения ‘околдовывать зельем’ и ‘дать зелья’, на базе которых появляются и «обманные», а также бесприставочный глагол *зелять* ‘обманывать’ [ССГ, вып. 4, с. 138]. Однако форма *озёлки* и контекст фразеологизма (читающийся как «воздействовать чем-л. инородным и, предположительно, загрязняющим на глаза») дает возможность предполагать существование одной или нескольких аттракций корня *зел-* к другим фонетически и семантически близким корням. Во-первых, на рассматриваемую форму могло повлиять смол. *озёрки / озёрки* ‘мурашки или искры перед глазами’: «О притолюку головой во хряпнулся, озерки в глазах забегали»; «Не гляди на солнце — озерки в глазах будут» [ССГ, вып. 7, с. 163]. Слово имеет прямо относящуюся к способности ясно видеть семантику: *озерки* появляются в глазах и мешают видеть (образовано оно, по-видимому, от праслав. **zъr-/zîr-/zôr-/zōr-*). Во-вторых, глагол *озелять / озелить*, от которого образована форма *озёлки*, может испытывать притяжение к другим глаголам со значением магического воздействия, ср. арх., калуж., костр. *озевать* ‘сглазить’ [СРНГ, вып. 23, с. 87], а также

влад., иван., костр., нижегор., тул., яросл. *озѣпáть* / *озепáть*, влад. *озѣпíть* 'сглазить' [Там же, с. 89]. *Озевáть* и *озепáть* являются в конечном счете родственными и обладают значением причинения кому-либо вреда, тесно связанным с семантикой колдовства и обмана.

Том. *втирать глаза*: «Я говорю: “Вы же области втираете глаза!”» [СРНГ, вып. 5, с. 229] кажется переосмыслением общенародного *втирать очки* 'обманывать'. Последнее было, вероятно, заимствовано из жаргона и подверглось действию народной этимологии. Оно пришло в общенародный язык (и в диалектные его формы) из шулерского арготизма, причем первоначально под *очками* подразумевались карточные очки (цифры), которые обманщик мог рисовать и стирать на «порошковых» (нарисованных с помощью специального порошка) картах [см. Виноградов, с. 111–117]. В дальнейшем выражение стало связываться с *очками*-прибором, послужив толчком для образования ряда подобных выражений, ср. *втереть* или *надеть на кого-л. очки* 'одурачить' [Даль, т. 2, с. 686], смол. *становить очки в глаза* 'обманывать' [ССГ, вып. 10, с. 107], пск. *очёк вде́ть* 'обмануть' [СРНГ, вып. 25, с. 60].

Перейдем к рассмотрению другой модели метафоры: «быть видимым (определенным образом), мерещиться» = «обманывать». Редкие примеры такого переноса требуют для своего обнаружения этимологической реконструкции. К ним относятся диал. шир. распр. *манíть* 'лгать, обманывать' и также 'мерещиться, казаться' [СРНГ, вып. 17, с. 360], калуж., орл. *маячить* 'обманывать, плутовать' [СРНГ, вып. 18, с. 62] и также общенар. 'показываться, давать знак, мельтешить' [Даль, т. 2, с. 316]. Для данных образований реконструируется производящая основа глагола **mati, majo*, далее — к и.-е. **mā-* 'махать рукой, кивать украдкой', и восстанавливается семантическая цепочка 'делать знаки, колебательные движения' → 'делать обманные движения' → 'морочить кого-л., обманывать, колдовать' [см.: ЭССЯ, т. 17, с. 202, 130, 132]. Примером, возможно, служит и гнездо арх., влг., новг., олон., перм., свердл. *блázнiть* 'чудиться, мерещиться, представляться', *блázнить* твер. 'в суеверных представлениях — приносить несчастье, болезнь кому-л. дурным глазом', 'обманывать, морочить' [СРНГ, вып. 2, с. 314]. Прасл. **blaz-* (в *блázнить*) связывается с идеей обманчивого видения и соотносится в том числе с лтш. *blāzma* 'мерцание, блеск, отсвет', *blāznums* 'мерцание, отблеск', ст.-лтш. *blāzt* 'мерцать' [Аникин, т. 3, с. 237–238]. Интересно, что семантика обманчивых зрительных впечатлений имеет мифологический «субстрат», что отражается в зафиксированных словарных контекстах, демонстрирующих, что во время «мерещенья» человек становится объектом действия нечеловеческих сил, «посылающих» ему видения (ср.: «Блазнит, так крестись» [СРНГ, вып. 2, с. 314]; «У них в доме манит, видно, кикимора завелась» [СРНГ, вып. 17, с. 361] и др.).

«Слуховая» метафора

В семантическом поле «Обман» наиболее востребованный предикат ситуации слухового восприятия обозначает не перекрывание слухового канала, а действие,

совершаемое воспринимаемым объектом для того, чтобы быть слышимым⁴. Метафорический перенос осуществляется по модели «издавать определенный звук» = «обманывать».

Обозначим «звуковые» мотивы, которые переносятся языком в семантическую сферу обмана и разрабатываются в пространстве семантико-словообразовательных гнезд. Существенным общим основанием для такого переноса служит характеристика звука (он резок и громок) и, соответственно, неприятные ощущения при его восприятии.

С в и с т: пск. *свистеть в дудку* ‘лгать, обманывать’ [БСРП, с. 204], р. Урал *свист* ‘ложь, неправда’: «Свист — это значит вранье, болтовня»; курган., свердл. ‘обманщик, болтун’: «На первых порах в земские начальники, да и на другие должности по крестьянским делам шли такие свисты, что прямо ужас» [СРНГ, вып. 36, с. 296–297], влг. *свистуля* ‘непостоянный, хвастливый человек, лгун, обманщик’ [Там же, с. 301], свердл. *свистун* ‘о болтуне, обманнике’: «Такой свистун, хоть что сколоколит» [Там же], смол. *присвистнуть* ‘приврать’: «Не верь ты ему, он опять присвистнул», *присвистывать* ‘врать’: «Не присвистывай ты, а правду говори» [ССГ, вып. 9, с. 36]. Появление у *свистеть* значений речевого обмана, кроме природной резкости свиста и его бесполезности, мотивируется общим отрицательным отношением к свисту как греховному и в ряде обстоятельств запрещенному у всех славян действию [см. СД, т. 4, с. 578–581].

Гуд е н и е: новг. *гудить* ‘соблазнять, обманывать’ [СРНГ, вып. 7, с. 202], а также производные от него: новг. *гудала* ‘плут, мошенник, ловкий обманщик’ [Там же, с. 200], *огуда*, *огудало* арх., волог., перм., тобол. ‘обманщик’: «Смотри, остерегайся ему во всем верить, он огудало не последний» [СРНГ, вып. 22, с. 359], влг. *огудачивать* ‘обманывать’: «Как ни хитер, а мы его, однако, огудачили» [Там же, с. 360], алт., арх., влг., перм., свердл., тамб., тобол. *огудывать* ‘обманывать’: «Задумал меня огудать, да не на того напал» [Там же]. *Гудить* в «обманных» значениях рассматривают в связи со «звуковым» *гудеть* [ЭССЯ, т. 7, с. 167]. Первичным значением можно считать значение ‘издавать (неприятный) звук’. Помимо «обманных» значений, в гнезде *гудить* развита семантика «отрицательного» речевого поведения, ср. диал. шир. распр. *гудить* ‘осуждать, хулить, порицать’ [СРНГ, вып. 7, с. 202], брян. *гудеть* ‘злословить’ [Там же, с. 201].

Вероятно, на развитие производных *огуда*, *огудачить* с префиксом, приносящим значение кругового покрытия, повлияло народноэтимологическое «выведение» их из однокоренного *гудок*, на разных территориях обозначающего

⁴ Рус. *оглушить* хотя и имеет переносное значение, связанное с воздействием на воспринимающее сознание (разг. ‘привести в замешательство, поразить, привести в состояние растерянности’ [БТС, с. 696]), «обманным» полем не используется. В прост. *вешать лапшу на уши* ‘говорить неправду’ есть указание на орган слуха, восприятию которого нужно помешать, но образный акцент во фразеологизме ставится не на *уши*, ср. его диалектный и жаргонный варианты: новг. *(на)вешать лапшу* ‘говорить неправду’ [МИСНФ, с. 120], жарг. *развешивать лапшу* ‘лгать, придумывать, болтать’, *кормить лапшой* ‘рассказывать небылицы, выдумки’ [РФ, с. 375]. Тем не менее, интересно существование версии о первоначальной связи выражения именно с ситуацией слухового восприятия, основанной на том, что *лапша* в арг. имеет, помимо других значений, значение ‘небольшой лоскут ткани’, откуда прослеживается первоначальное значение фразеологизма ‘закрывать уши лоскутом ткани, чтобы усыпить бдительность обкрадываемого, сделав его глухим’ [Там же, с. 376].

как струнно-смычковый, так и духовой народный музыкальный инструмент [см.: СРНГ, вып. 7, с. 202–203]. Основание для связи эксплицировано в качестве комментария к *огудáло* ‘обманщик’: «Он так вкрадчиво, приятно говорит и уговаривает, как на гудке наигрывает» [СРНГ, вып. 22, с. 359].

З в у к и в о л ы н к и: сиб. *тереть волынку* ‘говорить неправду, обычно с целью скрыть что-л.’: «Стали они казачкам тереть волынку, а тот каторжанец уже за Амур убег» [ФСРГС, с. 196]. Ср. общенар. *тянуть волынку* ‘затягивать какое-л. дело, медлить’, общенар. *волынить* ‘то же’ (диалектный контекст иллюстрирует подразумеваемый компонент ‘задерживать’ у *тереть волынку*). Мотивацией служит комплекс звуковых впечатлений от инструмента: однообразность и утомительность звука волынки, его резкость, т. е. способность заглушить другие звуки.

К о л о к о л ь н ы й з в о н: сиб. *колоколить без пути* ‘болтать, пустословить’, ‘врать’ [ФСРГС, с. 94], свердл. *сколоколить* ‘соврать, выдумать что-л. неправдоподобное’: «Сколоколит и не покраснеет» [СРНГ, вып. 38, с. 58], ср. общенар. *колоколить* ‘повсюду объявлять, рассказывать о чем-л.’, *звонить во все колокола* ‘распространять какие-либо известия’. Не только признак громкости, но и признак способности к широкому распространению звука мотивировал языковые единицы, номинирующие болтовню, сплетни и вранье (колокольный звон должен был служить способом оповещения: им обычно сигнализировали о каком-либо стихийном бедствии, пожаре или другом значительном событии)⁵. Помимо этого, корень обладает звукоподражательными («речеподражательными») возможностями из-за редупликации форманта *кол-*.

Л а й: без указ. места *брехать* ‘лаять, гавкать, как собака, лгать, врать, говорить с ветру, на ветер’ [Даль, т. 1, с. 129], тул. *пробрехать* ‘сказать неправду’ [СРНГ, вып. 32, с. 86], смол. *перебрехать* ‘перебранить всех или многих’, ‘переврать’ [ССГ, вып. 8, с. 33], *брехало пустое* ‘лгун’ [ССГ, вып. 1, с. 250], *брехливый* ‘сварливый, лживый’, *брехлò* ‘лгун’ [Там же, с. 251], *брехун* ‘сплетник, лжец’ [Там же, с. 252], нижегор. *забрёха* ‘лгун, хвастун’ [СРНГ, вып. 9, с. 274]. Глагол звукоподражательного происхождения *brexati во всех восточнославянских языках развил значения ‘лаять’ и ‘врать, лгать’; последнее возникло на основании признаков неприятного звучания, малоценности и широкого распространения по ветру. Лай, кроме того, часто воспринимается отрицательно в силу своей резкости, неприятности для слуха человека; он связывается с плохими приметами, ср., например, выражение *брехать как собака в пасху* ‘накликать беду’: «Если собака во время пасхальной утрени лает на восток — это к пожару, если на запад — к несчастью» [РФ, с. 649].

Обманная речь метафорически переосмысливается воспринимающим ее сознанием как звучание перечисленных слуховых раздражителей. Поле «Обман» включает в себя также значительное количество единиц, в основе которых лежат звукоподражательные звукокомплексы. Связано это, однако, не с метафорой

⁵ Семантическую поддержку им оказывают также выражения вроде разг. *лить колокола* ‘лгать, распространять ложные слухи, пустословить’, порожденные культурной традицией: среди ремесленников считалось, что звук колокола будет тем лучше, чем шире распространится ложный слух, пущенный во время его литья [см.: Агапкина, с. 266].

«звучать определенным образом» = «обманывать», а с двумя другими факторами. Во-первых, у глаголов, обозначающих любое речевое действие, часто развивается вторичное значение речевого обмана (модель ‘говорить, болтать’ → ‘лгать’; в этом случае точнее говорить о «речеподражаниях»). Во-вторых, «обманная» лексика обладает высокой степенью экспрессивности, а экспрессивы нередко имеют звукоподражательную природу.

* * *

В представленном материале «зрительная» лексика численно превосходит «слуховую», что соответствует главенствующей роли зрения среди остальных способов восприятия и чувственного познания человеком действительности. «Зрительная» метафора принадлежит числу древних и продуктивных метафор в семантическом поле обмана. О древности свидетельствует ее «онтологичность», иначе — положенность в основу мышления о мире, что явлено ее в некоторой степени универсальностью (ср. выше развитие семантики глагола *ослепить* в разных языках). Древность семантики неустойчивых движений, способных обмануть смотрящего на них, прослеживается в истории самого слова *обман*: в конечном счете, оно возводится к индоевропейской основе **tā-*, для которой реконструируется первичное значение ‘махать рукой, кивать укрادкой’, получившее развитие в значениях ‘делать знаки’, ‘делать обманные движения’ и затем ‘морочить кого-л., обманывать; колдовать’ [см. ЭССЯ, т. 17, с. 202]. О продуктивности, помимо количественной наполненности, свидетельствует ее диахроническое развитие: «втягивание» в сферу действия метафоры лексики, обозначающей новые реалии, ср. *очки* в выражениях *очки втирать / вставить* и т. п.

«Зрительная» и «слуховая» метафоры имеют свои варианты в разных формах бытования языка, допуская их взаимодействие: например, из картежного жаргона пришел образ очков, получив переосмысление и развитие не только в диалектах, но и в литературном языке (ср. литер. *очковтирательство*, *очковтиратель*); общенародное выражение *вешать лапшу на уши* варьирует в различных говорах и жаргоне. В семантическом поле обмана обе перцептивные метафоры занимают значительное место.

Агапкина Т. А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 210–282. [Agapkina T. A. Veshh', obraz, simbol: kolokola i kolokol'nyj zvon v tradicionnoj kul'ture slavjan // Mir zvuchashhij i molchashhij: semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavjan / отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 210–282.]

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Т. 1–. [Anikin A. E. Russkij jetimologicheskij slovar'. М., 2007–. Т. 1–.]

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вopr. языкознания. 1995. № 1. С. 37–67. [Apresjan Ju. D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija // Vopr. jazykoznaniya. 1995. № 1. С. 37–67.]

БНРС — Большой немецко-русский словарь : в 3 т. М., 2006. [Bol'shoj nemecko-russkij slovar' : v 3 t. М., 2006.]

- БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008. [Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok. M., 2008.]
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / gl. red. S. A. Kuznecov. SPb., 2000.]
- Виноградов В. В. История слов. М., 1999. [Vinogradov V. V. Istorija slov. M., 1999.]
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб.; М., 1880–1882. [Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. SPb.; M., 1880–1882.]
- ИРС — Скворцова Н. Л., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. М., 1963. [Skvorcova N. L., Majzel' B. N. Ital'jansko-russkij slovar'. M., 1963.]
- МИСНФ — Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004. [Sergeeva L. N. Materialy dlja ideograficheskogo slovarja novgorodskih frazeologizmov. Velikij Novgorod, 2004.]
- Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. [Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarja. SPb., 1852.]
- ПРН — Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. СПб., 1879. [Dal' V. I. Poslovice russkogo naroda : v 2 t. SPb., 1879.]
- РБЕ — Речник на българския език. София, 1977–. Т. I–. [Rechnik na b'lgarskija ezik. Sofija, 1977–. Т. I–.]
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2008. [Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii. SPb., 2008.]
- РФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : историко-этимологический словарь. М., 2005. [Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaja frazeologija : istoriko-jetimologicheskij slovar'. M., 2005.]
- СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. М., 1995–2012. [Slavjanskije drevnosti : jetnolingv. slovar' : v 5 t. M., 1995–2012.]
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск, 1964–1987. [Slovar' russkih govorov Srednego Urala : v 7 t. Sverdlovsk, 1964–1987.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–. [Slovar' russkih narodnyh govorov. M.; L., 1965–. Vyp. 1–.]
- ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. Смоленск, 1974–2005. [Slovar' smolenskih govorov : v 11 vyp. Smolensk, 1974–2005.]
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л., 1948–1965. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : v 17 t. M.; L., 1948–1965.]
- СУМ — Словник української мови : Академічний тлумачний словник : в 11 т. Київ, 1970–1980. [Slovník ukraїn's'koї movi : Akademichnij tлумачnij slovnik : v 11 t. Kiїv, 1970–1980.]
- Толстая С. М. Глухой и слепой // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 134–172. [Tolstaja S. M. Gluhoj i slepoj // Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive. M., 2008. S. 134–172.]
- ФСРПГ — Прокошьева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. [Prokosheva K. N. Frazeologicheskij slovar' permskih govorov. Perm', 2002.]
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983. [Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Sibiri. Novosibirsk, 1983.]
- ЧСРЯ — Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977. [Chastotnyj slovar' russkogo jazyka / pod red. L. N. Zasorinoj. M., 1977.]
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Вып. 1–. [Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov. M., 1974–. Vyp. 1–.]
- OED — The Oxford English Dictionary : in 20 vols. 2nd ed. Oxford, 1989.
- Reverso — Dictionnaire Français Définition: définitions, exemples, synonymes et expressions [Electronic resource]. URL: <http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition>.